

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

THEORETICAL ASPECTS OF SOCIOLINGUISTICS

УДК 811.351.22

DOI: 10.37892/2713-2951-3-7-8-25

КЛАССИФИКАЦИЯ ДАРГИНСКИХ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ

Расул О. МуталовИнститут языкознания РАН,
Российская Федерация

Статья посвящена проблеме разграничения даргинских языков и диалектов, относящихся к нахско-дагестанской ветви северокавказских языков. Актуальность проблемы заключается в том, что до сих пор нет общепринятой классификации, которая устраивала бы лингвистов-даргиноведов. Даргинский языковой ареал представляет собой континуум, где соседствующие идиомы близки между собой, а не соседствующие имеют значительные отличия, и установить границу между идиомами трудно. Ранее они рассматривались в качестве диалектов единого даргинского языка; в последние десятилетия, используя метод лексикостатистики, исследователи выделяют до 15–17 даргинских языков. Однако эти цифры завышены, и мы задались целью провести границу между даргинскими языками и диалектами. Используемый в работе подход заключается в том, что вместе с лексикостатистическим методом применяется и фонетико-морфологический критерий разграничения идиомов, основанный на изучении особенностей в звуковой системе и грамматике. В результате исследования выделено шесть даргинских языков: акушинский, мегебский, сирхя-цудахарский, кубачинский, кайтагский, чирагский.

Ключевые слова: *кавказские языки, даргинские языки, лексикостатистика, классификация языков, фонология, грамматические категории, языковой континуум, диалект*

THE CLASSIFICATION OF THE DARGIN LANGUAGES AND DIALECTS

Rasul O. MutalovInstitute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

The article is devoted to the problem of differentiating the Dargin languages and dialects which belong to the Nakh-Dagestanian branch of the North Caucasian languages. The relevance of the issue is in the fact that nowadays there is still no common classification, which is generally accepted by both linguists-Darginologists and specialists in the sphere of education. The Dargin linguistic area is a continuum, where neighboring idioms are closer to each other than extreme ones, and it is difficult to establish a border among them. That was the reason why Dargin idioms were considered as one language for a long period of time, even though the presence of significant differences in idioms was constantly confirmed by linguists-Caucasiologists. In recent decades the researchers have identified up to 15–17 Dargin languages by methods of lexicostatistics. However, in our opinion, this number is overestimated, and we are aimed at setting the border within the Dargin

languages and dialects and establishing their exact quantity. The study approach is based on the use of lexicostatistical methods and a grammatical criterion for differentiating idioms on the basis of peculiarities' study in phonetics and morphology. Due to the combination of both approaches it was possible for us to set the boundaries within the Dargin languages and dialects and give their new classification. As a result of the study, six Dargin languages were identified: Akusha, Megeb, Sirkhya-Tsudakhar, Kubachi, Kaitag, and Chirag. Among them, Akusha, Sirkhya-Tsudakhar and Kaitag languages are subdivided into many dialects, Kubachi has got two dialects, and Meheb and Chirag are the languages spoken only in one own villages.

Keywords: *Caucasian languages, Dargin languages, lexicostatistics, classification of languages, phonology, grammatical categories, linguistic continuum, dialect*

Введение

Даргинские языки (общее число говорящих по переписи 2010 г. около 510 тыс. человек) распространены в центральной части горного Дагестана, в Акушинском, Дахадаевском, Кайтагском, Левашинском и Сергокалинском районах. Даргинцы проживают также в Агульском, Буйнакском, Гунибском, Кизлярском, Дербентском, Карабудахкентском, Кумторкалинском, Хасавюртовском районах, а также во многих городах республики и страны.

Актуальность проблемы заключается в том, что до сих пор нет общепринятой классификации, которая более или менее устраивала бы как лингвистов-кавказоведов, так и специалистов в сфере образования. Данные языки и диалекты представляют собой языковой континуум, где соседствующие идиомы более близки между собой по сравнению с крайними, и установить границу между ними довольно трудно. Поэтому неудивительно, что в даргинских классификациях существует такой разброс мнений.

Так, в первой научной классификации, данной в работе «Хюркилинский язык», выдающийся исследователь кавказских языков П.К.Услар выделяет шесть групп даргинцев: Акуша (куда в числе других отнесены цудахарский, усишинский и мегебский наречия), Сирхя, Хайдак, Кубачи, Вуркун, Чираг, которые объединены в три группы – акушинскую, вуркунскую и хайдакскую [Услар, 1892: 1–6]. Эркерт разграничивает пять диалектов: Варкун, Кара-кайтаг, Кубачи, Акуша-дарго, Маджалис-кайтаг; они объединены в две группы – варкунскую и акушинскую [Erckert, 1895: 87–140].

С.Л. Быховская ([Быховская, 1940: 85], затем и С.Н. Абдуллаев [Абдуллаев, 1954: 9–11] взяли за основу разграничения даргинских диалектов фонетический принцип: по наличию/отсутствию геминированных (усиленных, напряженных) согласных даргинские диалекты распределены на две группы – цудахарскую, с геминированными согласными, и акушинско-ура охинскую, в которых геминаты отсутствуют. В книге «Грамматика даргинского языка» С. Абдуллаев выделяет 38 даргинских диалектов и говоров [Абдуллаев, 1954: 9–11].

Ш.Г. Гаприндашвили первоначально разделил даргинские диалекты на три группы: акушинскую, урахинскую и цудахарскую [Гаприндашвили, 1952], – а затем добавил к ним группу переходного типа [Гаприндашвили, 1956: 4] без уточнения, какие диалекты туда входят. С.М. Гасанова в работе «Очерки даргинской диалектологии» распределила даргинские диалекты и говоры на 13 групп [Гасанова, 1971: 38–40].

Проблема усложняется также и тем обстоятельством, что долгое время открытым оставался вопрос, что собой представляют даргинские идиомы – это диалекты или все же группа языков? Еще в классификациях 1920–1930-х годов некоторые из них считались самостоятельными языками, например кайтагский и кубачинский. Однако впоследствии, в период «языкового строительства», исходя из экстралингвистических соображений, было решено считать все даргинские идиомы диалектами одного языка, а даргинский язык был отнесен к лакско-даргинской группе языков. Это было в корне неправильное, волюнтаристическое решение.

То, что в 1940–1980-е годы официальной властью даргинские языки были «низведены» до уровня диалектов, сыграло крайне негативную роль в развитии, изучении и сохранении даргинских языков. Они остались неисследованными, по ним мало лингвистических сведений – в ряде случаев их нет вообще, речь большинства малых селений не вошла в лингвистические классификации. В частности, нет сведений о речи многих селений, которые в годы войны были переселены в Чечню. В конце 1950-х годов жители этих селений вернулись в Дагестан; в 1960-х они переселились на равнину и ныне проживают преимущественно в населенных пунктах со смешанным национальным составом, где их языки интенсивно исчезают.

Критикуя традиционную классификацию дагестанских языков, А.Е. Кибрик пишет: «Эта классификация неудовлетворительна в двух отношениях: а) она объединяет в одну группу (лакско-даргинскую) языки, которые достаточно далеко отстоят друг от друга как генетически, так и типологически; б) она объединяет в один язык (аварский и даргинский) диалекты, чьи генетические и типологические различия сравнимы с различиями, существующими между языками в других группах (андийской и цезской) этой классификации. Я предпочитаю перестроить эту классификацию в соответствии с относительными различиями между языками...» [Кибрик, 2003: 196].

О том, что даргинские идиомы представляют собой самостоятельные языки, писали в разное время многие кавказоведы. Так, Е.А. Бокарев отграничивает от даргинского кубачинский и кайтагский языки [Бокарев, 1949: 25]. С.М. Хайдаков в монографии «Даргинский и мегебский языки: принципы словоизменения» выделяет речь с. Мегеб в

отдельный язык [Хайдаков, 1985]. М.-С.М. Мусаев считает кубачинский, кайтагский и чирагский идиомы близкородственными самостоятельными языками даргинской группы [Мусаев, 1989: 4]. Исследовав вопрос о статусе кубачинской речи, А.А. Магометов приходит к выводу, что ее следует рассматривать в качестве отдельного языка [Магометов, 1998: 80]. А.Е. Кибрик выделяет следующие языки даргинской группы: «(литературный) даргинский, чирагский, кубачинский, ицаринский, мегебский и др.» [Кибрик, 2003: 197]. В работах С.М. Темирбулатовой [Темирбулатова, 2004] и У.У. Гасановой [Гасанова 2009] обосновано отграничение кайтагской речи и признание ее в качестве самостоятельного языка.

Однако кардинально эта проблема была решена в начале 2000-х годов Ю.Б. Коряковым, когда он в «Атласе кавказских языков» на основе лексикостатистики выделил 17 даргинских языков [Коряков, 2006: 33–36]. В последней классификации он разграничивает уже 15 языков [Коряков, 2021: 141–148], образующих четыре группы: северо-центральную (севернодаргинский, цудахарский, усиша-бутринский, гапшиминский, муиринский, мегебский), южную (юго-западно-даргинский, санжи-ицаринский, санакари-чахрижский, амузги-ширинский, кубачинский, аштынский), чирагскую и кайтагскую (кайтагский, шаринский). Данная методика основана на строгой системе подсчета процента совпадений (ПС) из ста базовых слов между различными идиомами – если совпадений меньше 90, то идиом считается языком, если больше 91, то диалектом.

Но, на наш взгляд, данный подход недостаточно объективно отражает различия между близкородственными даргинскими идиомами. Например, если взять ситуацию с кубачинским языком, то можно отметить, что ПС между кубачинским и аштыным составляет 89, а ПС между кубачинским и амузгинским – 91 [Там же: 142]. Аштынский язык при этом выделен в качестве самостоятельного языка, амузгинский тогда следовало бы считать диалектом кубачинского. На самом же деле, как будет показано далее, аштынский язык является диалектом кубачинского, а амузгинский по грамматике близок к сирхинскому. Следовательно, вопрос о статусе даргинских идиомов остается открытым, и проблему определения точного их количества пока нельзя считать решенной.

Методика

Проблема разграничения языков и диалектов, как известно, относится к одной из наиболее сложных проблем лингвистики. Имеется несколько критериев, которые могут помочь специалистам при решении данной проблемы; в качестве основных из них можно выделить социолингвистические и структурные. К социолингвистическим критериям относятся функциональная полноценность идиома и самоидентификация его носителей. К структурным

критериям, помимо прочих, относится лексикостатистический метод, о котором говорилось выше, и взаимопонятность идиомов.

Говоря о самоидентификации даргинцев, Ю.Б. Коряков отмечает, что «этносоциолингвистический подход в разграничении языков и диалектов приводит к тому, что языки даргинцев низводят до статуса диалектов единого “даргинского” языка. Однако, с точки зрения собственно лингвистики, многие даргинские “диалекты” взаимонепонятны друг с другом и с точки зрения общепринятого ныне в мировой лингвистике подхода и должны считаться отдельными языками» [Там же: 139]. Относительно взаимопонятности даргинских идиомов он пишет: «К сожалению, пока не проведено исследований по взаимопониманию, которые охватывали бы достаточное количество даргинских идиомов, чтобы на их основе можно было бы построить полноценную классификацию» [Там же].

Сравнение взаимопонимания между носителями нескольких даргинских идиомов (кайтагского, кубачинского, цудахарского, муиринского, акушинского) было проведено группой исследователей в 2016 г. и изложено в работах [Malyshev et al., 2019]. Свой подход они обозначили следующим образом: «В ходе исследования мы взяли за основу метод тестирования пересказа записанного текста (RTT), предложенный Граймсом (1995 SIL). Этот метод включает в себя тестирование понимания устного текста носителями различных диалектов одного языка и помогает определить, насколько носители одного диалекта понимают носителей другого в процентном соотношении. Респонденту предлагается прослушать короткий рассказ в аудиоформате на отличном от родного диалекте даргинского языка, длиной в 1 минуту и разделенный на 7 фраз-сегментов, и пересказать этот рассказ на своем родном идиоме. Затем другой носитель этого диалекта переводит рассказ с родного идиома на язык широкой коммуникации (русский). Переведенный текст сравнивается с оригинальным переводом источника по проценту совпадений ключевых слов. В результате мы можем увидеть, насколько носитель одного диалекта понимает речь другого. В итоге по Граймсу (1995) мы получаем порог “успешной коммуникации” – 85%, между 71 и 85% – на границе взаимопонимания. Ниже 70% показывают, что эти диалекты слишком различны для “успешной коммуникации”» [Malyshev et al., 2019].

В результате проведения эксперимента данной группой исследователей были получены следующие результаты: процент понимания кайтагцами кубачинцев составляет 30, акушинцев 45, цудахарцев 51, муиринцев 59; процент понимания кубачинцами кайтагцев 48, акушинцев 35, цудахарцев 50, муиринцев 55; процент понимания акушинцами кайтагцев 29, кубачинцев 18, цудахарцев 52, муиринцев 62; процент понимания цудахарцами кайтагцев 36, кубачинцев 29, акушинцев 53, муиринцев 69 [Там же].

Получается, что все идиомы имеют процент понимания ниже 70 и должны считаться самостоятельными языками. Однако в эксперименте исследователи не учли такое важное обстоятельство, как подбор текстов. Тексты на большинстве идиомов представляли собой бытовые рассказы о различных жизненных ситуациях, а в качестве текста на акушинском идиоме (литературном даргинском языке) было приведено стихотворение даргинского поэта, которое трудно запомнить и пересказать, что, конечно же, привело к искажению результатов эксперимента и сказалось на процентах понимания акушинской речи представителями других идиомов.

Мы исходим из того, что нужно отвлечься от экстралингвистических факторов: самоидентификации носителей, проблем обучения малым даргинским языкам в школе, мнения властей, общественности и интеллигенции, высказываний типа «даргинцы – это один народ и язык должен быть один» и т.д. Задача лингвистов-специалистов состоит в том, чтобы выработать точный и четкий лингвистический инструментарий для разграничения понятий язык/диалект. Мы считаем, что вместе с лексикостатистическим методом необходимо применить и фонетико-морфологический критерий разграничения идиомов, основанный на исследовании особенностей в звуковой системе и морфологии. Таким образом, совместив данные обоих подходов, можно будет определить точные границы между языками и диалектами и дать их строго научную классификацию.

При выделении того или иного идиома в качестве самостоятельного языка мы исходим из двух важных принципов.

1. Первый принцип состоит в том, что нужно определить, сколько в том или ином идиоме уникальных языковых явлений, которых нет в других (соседних) идиомах, и достаточно ли этих явлений для того, чтобы придать этому идиому свое собственное неповторимое «лицо». Если наблюдается значительный отрыв в числе этих явлений от других идиомов, то идиом выделяется в качестве самостоятельного языка с оглядкой, конечно же, на лексикостатистику. Если же число уникальных явлений незначительно и они не являются существенными, то идиом будет иметь статус диалекта того или иного языка, если даже процент совпадений (ПС) по лексикостатистике будет ниже 90.

2. Второй принцип: предполагается, что носители диалектов, которые относятся к одному языку, в большей или меньшей степени должны понимать речь представителей любого из других диалектов данного языка, порой самых отдаленных.

В качестве источников использованы грамматические описания по акушинскому, урахинскому, кайтагскому, ицаринскому, сирхинскому, санжинскому, тантынскому, кубачинскому, мегебскому, кадарскому, чирагскому, ширинскому идиомам, а также

имеющиеся диссертационные исследования по цураинскому, мекегинскому, харбукскому, кассагумахинскому, бутринскому, нижнемулебкинскому, карбачимахинскому, дейбукскому, хуцуцскому, сулевкентскому, гебинскому, гуладтынскому, меусишинскому идиомам.

Результаты и обсуждение

Для исследования привлечен материал 26 основных даргинских идиомов. Прежде всего они были разбиты нами на две группы – северную и южную (термины впервые были предложены в работе [Муталов, 2002: 8]). Данное разграничение отличается от традиционной (тоже бинарной) классификации С. Быховской и С. Абдуллаева (диалекты цудахарского типа, диалекты акушинско-урахинского типа) тем, что оно основано не на фонетическом принципе (наличие/отсутствие геминированных согласных), а на грамматическом. В основу деления нами взято различие в оформлении личных показателей *-да* (1-е л. ед.ч.)/*-ди* (2-е л. ед.ч.) (южные) – *-ра* (1-е л. ед.ч.)/*-ри* (2-е л. ед.ч.) (северные). Следует отметить, что об этих и некоторых других отличиях между приведенными двумя группами диалектов говорил и С. Абдуллаев [Абдуллаев, 1954: 10], их отмечали впоследствии и другие исследователи, но принципиальное различие между двумя классификациями заключается в том, что границы «водораздела» северных и южных идиомов в них не совпадают. Исследование грамматического строя мугинского, муиринского и гапшиминского идиомов, которые С. Абдуллаев относил к цудахарской группе (имеют геминаты), показало, что они более близки к акушинскому идиому (имеют окончания *-ра*, *-ри*).

Таким образом, в северную подгруппу даргинских языков входят следующие идиомы: *акушинский, урахинский, мекегинский, губденский, мюрегинский, кадарский, мугинский, муиринский, гапшиминский, мегебский.*

В южную подгруппу даргинских языков входят идиомы: *цудахарский, усишинский, бутринский, тантынский, сирхинский, хуцуцкий, амухский, кункинский, санжинский, ицаринский, амузги-ширинский, кубачинский, аштынский, кайтагский, шаринский, чахри-санакаринский, чирагский.*

Следует отметить, что различия между северными и южными языками довольно существенные. Отличается в двух группах местоимение 1-го л. «я»: *ну* (северные) и *ду* (южные). Помимо приведенных особенностей, можно отметить ряд и других отличий: местоимение 2 л. ед. ч. *хлу* «ты» (северные) – *глу, гьлу, ъу, ъи* (южные); окончание датива *-с* (северные) – *-й, -ж, -з* (южные); соответствие смычки *ь* (в северных) – звукам *г, ж, гь, гь, з* (в южных); отсутствие показателя генитива в словах с исходным *-н, -л, -ла, -ли* (северные) – наличие окончания генитива *-ла, -лла* в таких словах (южные); отсутствие геминат в северных

идиомах (за исключением мугинского, муиринского и гапшинского) и наличие их в южных, соответствие преверба *-чи* (северные) превербу *-й/-йа* (южные), наличие четырех пространственных падежей в северных и по 6–8 таковых в южных, слабая степень палатализации в северных и сильная палатализация в южных и др.

В данной статье мы более подробно будем говорить о «проблемных» идиомах, т.е. тех, статус которых не определен – язык это или диалект, и если диалект, то к какому языку относится. Поэтому мы не будем останавливаться, например, на особенностях мекегинского, мугинского или урахинского идиомов, место которых в даргинских классификациях не является спорным.

«Проблемными» в северной подгруппе языков, на наш взгляд, являются следующие идиомы: мегебский, кадарский, муиринский и гапшиминский. По мегебскому идиому имеется два грамматических описания [Магометов, 1982; Daniel M. et al., 2019]. В результате нашего исследования обнаружилось, что больше всего он близок не к мугинскому диалекту, переселенцами территории распространения которого считают себя мегебцы, и не к урахинскому, как предполагает А.А. Магометов (он пишет, что «фонетическая система мегебского близка к урахинской» [Магометов, 1982: 8]), а к кадарскому. Кадарский же, в свою очередь, близок к мекегинско-губденско-мюрегинской группе даргинских диалектов.

Для того чтобы определить, насколько эти идиомы близки между собой и чем они отличаются, нами были составлены сравнительные таблицы. Исходя из выявленных особенностей этих идиомов, про мегебский можно уверенно сказать, что он представляет собой самостоятельный язык как с позиций лексикостатистики, так и по данным грамматики. Процент совпадений в лексикостатистике с акушинским составляет 83,4, с цудахарским – 83, с гапшиминским – 76.

На мегебском говорят в селении Мегеб Гунибского района, он находится в окружении аварского и лакского языков, которые существенно повлияли на мегебский язык. В качестве родного в школе мегебцы изучают аварский язык. В мегебском языке четыре грамматических класса, тогда как во всех даргинских идиомах три класса; нет личного показателя 2-го лица, он соответствует показателю 3-го лица. Вспомогательный глагол *саби* «есть» замещается экзистенциальным показателем *леб* «имеется»; в самом показателе *саби* «есть» классный показатель *б* окаменел (ср. акуш. *са=й* (1 гр. кл.), *са=р=и* (2 гр. кл.), *са=б=и* (3 гр. кл.)). Классный показатель окаменел также в глаголе *бугъас* «мочь», который служит средством образования ряда грамматических форм [Магометов, 1982] и т.д. (перечислять все имеющиеся особенности как мегебского, так и других даргинских идиомов в небольшой статье не

представляется возможным). Таким образом, в мегебском языке имеется множество своеобразных явлений, которые делают эту речь непонятной для других даргинцев.

Кадарскую речь в ранних классификациях Ю.Б. Коряков выделял в качестве самостоятельного языка [Коряков, 2006: 35]. В последней же его классификации, исходя из лексикостатистических данных, кадарский указан как диалект севернодаргинского языка [Коряков, 2021: 144]. В наших работах по исследованию кадарской грамматики были выявлены все особенности этого идиома, которые отсутствуют в литературном языке. Приведем некоторые из них: нехарактерный для других даргинских идиомов показатель инфинитива *-ос*: *эрхв-ос* «входить», *биркъв-ос* «вскопать»; абруптивизация: *m//m1*: *талат* «вторник» – *талатI*; *ð//m1*: *дехъ* «балка, перекладина» – *mlexъ*; *k//k1*: *сукура* «тарелка» – *сукIpa* и т.д.; звукосоответствие заднеязычного глухого смычного звука *къ* литературного языка звонкому щелевому звуку *гъ*: *къача* «теленос» – *гъача*, *къакъ* «спина» – *гъахъ*; оглушение звонких звуков: *b//n*: *гIяйиб* «вина» – *гIяип*; *g//k*: *гата* «кошка» – *кату*. Образование составных числительных в кадарском также отличается от других идиомов: *xIябцIале ца* «31» (ср. акуш. *xIябцIанну цара*), *урчIебцIале ангъвал* «94» (ср. акуш. *урчIебцIанну авра*). В кадарском формы кондиционалиса по лицам не изменяются.

Все же при сравнении кадарских особенностей с данными мекегинско-губденско-мюрегинской группы обнаруживается, что многие из них в той или иной мере представлены и в других близких идиомах, т.е. кадарская речь является более или менее понятной для носителей диалектов данной группы, хотя и отличается от них. Таким образом, фонетико-морфологические особенности кадарского идиома не дают оснований говорить о нем, как о самостоятельном языке.

Муиринский идиом распространен в нескольких десятках селений Дахадаевского и Кайтагского районов и делится на ряд говоров, которые между собой значительно различаются, имея черты других диалектов северной группы (харбукский – мугинского, дейбукский – мюрегинского и т.д.). В нем представлены геминированные звуки и показатели инфинитива *-ара/-ана*, характерные для южной группы, а также суффикс прилагательного – *гван*.

Сравнение фонетико-морфологических особенностей муиринской речи с данными акушинского диалекта не выявили ее значительных отличий от других идиомов северной группы, которые позволяли бы придать муиринской речи статус отдельного языка (хотя по лексикостатистике ПС между ними доходит до 86). Муиринская речь вполне понятна носителям других севернодаргинских идиомов, что дает возможность говорить об этом идиоме как о диалекте, относящемся к севернодаргинской группе.

Интерес вызывает речь села Гапшима. Во-первых, она имеет особенности акушинского и цудахарского диалектов (само село расположено на границе распространения этих идиомов), во-вторых, она практически не изучена, о ней не имеется никакой информации в научных работах, в-третьих, по данным лексикостатистики, она значительно удалена от других соседних идиомов – ПС с акушинским составляет 84, цудахарским – 81, тантынским – 86. Недавно нами было проведено исследование фонетики и морфологии гапшиминского идиома, которое показало, что в гапшиминском идиоме присутствуют черты цудахарского, акушинского и мекегинско-губденско-мюрегинского идиомов, однако в нем преобладают черты акушинского идиома. Можно также отметить, что в гапшиминском нет заметного количества собственных уникальных явлений, которые могли бы придать ему статус отдельного языка.

Таким образом, анализ фонетической системы и морфологического строя языков северной даргинской группы дает возможность выделить в ней два самостоятельных языка – мегебский и акушинский. Мегебский является одноаульным, акушинский же распадается на ряд диалектов: собственно акушинский, урахинский, мекегинский, губденский, мюрегинский, кадарский, мугинский (с верхнемулебкинским), муиринский и гапшиминский. (Для обозначения данного языка мы будем пользоваться термином «акушинский», поскольку, как нам кажется, он является более удобным и подходящим в сравнении с длинными и сложными терминами «типа акушинско-урахинский...» и т.д.)

Южнодаргинская подгруппа языков отличается от северной значительной пестротой и множеством сильно разнящихся между собой языков и диалектов. То, что кубачинский и кайтагский являются самостоятельными языками, видно как по лексикостатистике (ПС кайтагского идиома с другими составляет 69, 75, 77, 84, кубачинского – 77, 80, 80) [Коряков, 2021: 144], так и по признакам грамматического строя. В них много особенностей как в фонетике, так и в морфологии, подробно на них останавливаться не будем – знакомство с фундаментальными работами А.А. Магометова [Магометов, 1963], С.М. Темирбулатовой [Темирбулатова, 2004] и У.У. Гасановой [Гасанова, 2009] дает возможность проследить в них много своеобразных явлений, дающих возможность говорить о них как о самостоятельных языках.

Аштынский, хотя и отличается от кубачинского по ПС (89), все же не является самостоятельным языком, поскольку имеет лишь незначительное число особенностей в морфологии; эти особенности отмечены в работе А. Магометова «Кубачинский язык» (в приложении дан один и тот же текст на кубачинском и аштыном, и отличия в них минимальные) [Магометов, 1963: 336].

Шаринский идиом, распространенный в с. Шари Агульского района, имеет с кайтагским ПС 89. Исследование данного идиoma проводилось в ряде наших работ [Муталов, 2017]. Шаринский, хотя и имеет свои собственные особенности, по своей фонетике и грамматике близок к кайтагскому, и не будет ошибкой считать его диалектом кайтагского языка. Отметим, что между говорами кайтагского языка также имеются значительные внутренние различия.

По чахри-санакаринскому идиому пока нет данных ни по лексикостатистике, ни по грамматике. Эти селения, хотя и относились к Ицаринскому сельсовету, расположены в долине реки Уллучай в непосредственном соседстве с другими кайтагскими селениями. Речь жителей этих селений всегда ассоциировалась с кайтагским языком, хотя и возможны незначительные особенности. В результате исследования шаринской речи выяснилось, что многие шаринские явления, по нашим наблюдениям, имеют соответствия с речью села Санакари.

Другим южнодаргинским идиомом, статус самостоятельного языка которого не вызывает сомнений, является чирагский. Он имеет минимальный ПС по лексикостатистике с другими даргинскими идиомами – 67, 69, 77, 84 и обладает множеством уникальных явлений в грамматике, позволяющих выделить его в качестве самостоятельного языка. В нем много архаичных черт, которые могут пролить свет на те или иные явления в даргинских языках, помочь в создании сравнительно-исторической грамматики указанных языков. Некоторые из этих особенностей встречаются также в кубачинском, ицаринском идиомах, но наиболее близким к чирагскому идиомом является кункинский. Нами был проведен сравнительный анализ фонетических и морфологических данных двух идиомов, в результате чего выявилось, что в кункинском больше черт, характерных для сирхинской речи.

В традиционных классификациях тантынский рассматривается в качестве говора цудахарского диалекта [Гасанова, 1971; 38]. Сопоставление материала цудахарского и тантынского идиомов показало, что различия между ними незначительные, в основном эти различия связаны с фонетикой. Близость тантынского и цудахарского подтверждается также и тем фактом, что при чтении цудахарцами тантынских текстов, данных в грамматике [Сумбатова, Ландер, 2014], выявилось минимальное количество отличий. Незначительно отличаются от цудахарского и тантынского также усишинский, бутринский и хебинский идиомы.

В последних классификациях, основанных на лексикостатистике, тантынский считается близким к сирхинскому идиому – ПС с сирхинским составляет 93 [Коряков, 2021: 144]. Сравнение материалов тантынского идиoma с материалами санжинского идиoma, который является говором сирхинского, подтверждает это предположение. Следовательно, можно сделать вывод, что сирхинский и цудахарский идиомы являются близкими, их можно

рассмотреть в качестве одного большого языка южнодаргинской группы, который имеет свои особенности и отличается как от севернодаргинских языков – акушинского и мегебского, так и от соседних – кубачинского, чирагского и кайтагского. Этот язык можно было бы назвать сирхя-цудахарским.

Сирхя-цудахарский язык распадается на множество диалектов и говоров, которые значительно отличаются друг от друга. Более того, осталось пока еще много сирхинских селений, которые обладают языковым своеобразием, но речь жителей этих селений еще практически не исследована. В частности, это дзилебкийский говор, обладающий специфичной просодикой, сутбукский говор, в котором происходит спирализация смычных, цугнинский, в котором значение каузатива передается долготой гласного и т.д. К сирхя-цудахарскому языку относится и кункинский, о котором было сказано выше, а также хуцуцкий и амухский идиомы, которые близки к санжинскому, материал которого также уже сравнивался с материалом тантынского идиома. Это подтверждается также данными по лексикостатистике.

Речь селений Шири и Амузги также можно отнести к сирхя-цудахарскому языку. Ранее речь этих селений считалась близкой к кубачинскому языку [Абдуллаев, 1954: 9], однако в статье О.И. Беляева «Место ширинского и амугинского среди диалектов даргинского языка» говорится, что общего с кубачинской фонетикой и грамматикой у них немного [Беляев, 2019]. Автор отметил лишь три грамматических явления, общих для кубачинского и амуги-ширинского (окончание эргатива, форма аориста и суффикс адъектива с классно-числовым показателем). В грамматике ширинского обнаруживается достаточно много черт, характерных для сирхинского, ицаринского и санжинского. Близки к ним и данные по лексикостатистике: ПС с санжинским составляет 88,5, ицаринским – 86,5 сирхинским – 86,3.

Сравнение материала ицаринского и санжинского идиомов (имеются грамматики [Sumbatova, Mutalov, 2003; Forker, 2020]) показывает, что ицаринский довольно сильно отличается от санжинского и других сирхинских диалектов, хотя ПС по лексикостатистике с санжинским составляет 90. Отличия обусловлены также тем обстоятельством, что, помимо значительного числа собственно ицаринских, в нем много явлений, характерных для кубачинского и кайтагского языков. Есть также проблемы с пониманием ицаринской речи другими сирхинцами и цудахарцами. Но тем не менее мы считаем, что этих особенностей недостаточно, чтобы называть ицаринский самостоятельным языком. Он является переходным диалектом между кайтагским и сирхя-цудахарскими языками. Поскольку сирхинских черт в нем больше, чем кайтагских, будем его называть диалектом сирхя-цудахарского языка.

Следует отметить, что в настоящее время назрела проблема более подробной разработки вопроса о переходных даргинских диалектах. Даргинские идиомы, как уже говорилось,

представляют собой языковой континуум, в котором один язык плавно переходит в другой. И связывают их переходные диалекты, которые имеются практически между всеми соседствующими даргинскими языками. В этом смысле был прав Ш.Г. Гаприндашвили [Гаприндашвили, 1956: 4], когда выделил особую группу переходных даргинских диалектов, хотя и не указал, каковы они.

Так, переходным между акушинским и мегебским является кадарский, между сирхя-цудахарским и акушинским – гапшиминский, между кайтагским и акушинским – муиринский, между кубачинским и сирхя-цудахарским – амуги-ширинский, между чирагским и сирхя-цудахарским – кункинский и амухский. Вместе с ицаринским переходным между кайтагским и сирхя-цудахарским можно было бы назвать и шаринский, который уже относится к кайтагскому языку, поскольку в нем больше кайтагских черт. Кстати, большая часть затруднений затруднений, связанных с классификацией даргинских идиомов, была связана именно с наличием значительного числа переходных диалектов.

Таким образом, даргинские языки образуют две подгруппы, состоящие из шести самостоятельных языков. Классификация даргинских языков и диалектов в окончательном виде будет выглядеть так:

Севернодаргинские языки:

- *акушинский* (диалекты: акушинский, урахинский, мекегинский, губденский, мюрегинский, кадарский, мугинский, муиринский, гапшиминский),
- *мегебский*;

Южнодаргинские языки:

- *сирхя-цудахарский* (диалекты: цудахарский, усишинский, бутринский, тантынский, сирхинский, хуцуцкий, амухский, кункинский, санжинский, ицаринский, амуги-ширинский и т.д.),
- *кубачинский* (диалекты: кубачинский, аштынский),
- *кайтагский* (диалекты: верхнекайтагский, нижнекайтагский, шаринский, чахри-санакаринский),
- *чирагский*.

Результаты, полученные в ходе исследования, могут быть использованы при подготовке сравнительно-исторической грамматики даргинских языков. Крайне интересно было бы проследить развитие и распространение по разным даргинским идиомам множества явлений, таких как иканье/еканье, палатализация, фарингализация, геминация, лабиализация, спонтизация, ударение и просодика, а также многих грамматических категорий и форм.

С другой стороны, работу над сравнением фонетики и грамматики разных идиомов можно было бы увязать с историей возникновения даргинских селений. Лингвистические данные позволяют проследить миграцию жителей разных селений, установить родство идиомов, используя волновую модель. Так, общеизвестен факт, что показателем датива, латива, инфинитива и указательного местоимения «этот» в разных даргинских идиомах выступает один и тот же показатель: в сирхинском, ицаринском, кубачинском -й, в тантынском, ширинском, кайтагском -ж (в усишинском одновременно -й и -ж), в цудахарском -з, в акушинском, мегебском -с (единственное исключение – указательное местоимение «этот» в акушинском образуется посредством спيرانта -ш (-иш)). Можно предположить переход й вперед, в ж, затем в з в цудахарском, который затем перешел в глухой с в севернодаргинских языках. И предположить волновую миграцию носителей этих идиомов в соответствии с продвижением вперед места образования этого показателя.

Лингвистический материал также может помочь установить место, откуда переселились мегебцы. Существует предание, что они являются выходцами из села Муги. Но обращает на себя внимание факт, что языки у них при этом совершенно разные. Как уже говорилось, мегебский близок к кадарскому диалекту и всей мекегинско-мюрегинско-губденской группе. Тогда возникает несколько предположений об изначальной родине мегебцев. Либо, согласно легенде, они являются выходцами из Муги, но тогда возникает закономерный вопрос: могла ли мугинская речь за это время так сильно измениться? Либо они переселились не из Муги, а из некоего селения, речь которого близка к кадарско-мекегинской группе. Следовательно, языковые данные, наряду с этнографическими и археологическими исследованиями, могут помочь в установлении истории даргинских аулов и вольных обществ.

Выводы

Таким образом, при выделении того или иного идиома в качестве самостоятельного языка в работе использовались два важных принципа. Первый принцип состоит в том, что нужно было определить, сколько в том или ином идиоме уникальных языковых явлений, которых нет в других (соседних) идиомах, и достаточно ли этих явлений для того, чтобы придать этому идиому свое собственное неповторимое «лицо». Если наблюдается значительный отрыв в количестве этих явлений от других идиомов, то речь выделяется в качестве самостоятельного языка, с оглядкой, конечно же, на лексикостатистику. Если же количество уникальных явлений незначительно и они не являются существенными, то речь будет иметь статус диалекта того или иного языка, если даже процент совпадений по лексикостатистике будет ниже 90. Второй принцип заключается в том, что носители диалектов,

которые относятся к одному языку, в большей или меньшей степени должны понимать речь представителей любого из других диалектов данного языка.

В ходе работы по разграничению даргинских языков и диалектов вместе с лексикостатистическим методом был применен и фонетико-морфологический критерий разграничения идиомов, основанный на исследовании особенностей в фонетике и морфологии. Совмещение обоих подходов позволило дать следующую классификацию даргинских языков и диалектов. Северnodаргинские языки: акушинский (диалекты: акушинский, урахинский, мекегинский, губденский, мюрегинский, кадарский, мугинский, муиринский, гапшиминский), мегебский. Южнодаргинские языки: сирхя-цудухарский (диалекты: цудухарский, усишинский, бутринский, тантынский, сирхинский, хуцуцкий, амухский, кункинский, санжинский, ицаринский, амуги-ширинский и т.д.), кубачинский (диалекты: кубачинский, аштынский), кайтагский (диалекты: верхнекайтагский, нижнекайтагский, шаринский чахри-санакаринский), чирагский. Из них акушинский, сирхя-цудухарский и кайтагский делятся на множество диалектов и говоров, кубачинский имеет два диалекта, а мегебский и чирагский являются одноаульными.

Результаты, полученные в ходе исследования, могут быть использованы при подготовке сравнительно-исторической грамматики даргинских языков.

Литература

- Абдуллаев С.Н. (1954) Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). Махачкала: Ин-т истории, языка и литературы Даг. филиала АН СССР. 216 с.
- Беляев О.И. (2019) Место ширинского и амугинского среди диалектов даргинского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. Т. 2. № 24. С. 20–38.
- Бокарев Е.А. (1949) Краткие сведения о языках Дагестана. Махачкала. 32 с.
- Быховская С.Л. (1940) Пережитки *inclusiv*-а и *exclusiv*-а в даргинских диалектах // Язык и мышление. Т. IX. М.; Л., С. 85–100.
- Гаприндашвили Ш.Г. (1952) К вопросу о классификации диалектов и говоров даргинского языка // Тезисы докладов III (IX) научной сессии Института языкознания АН ГССР. Тбилиси. С. 55–57.
- Гаприндашвили Ш. Г. (1956) Фонетика даргинского языка по данным диалектов. Автореф. докт. дисс. Тбилиси. 54 с.
- Гасанова С.М. (1971) Очерки даргинской диалектологии. Махачкала: Даг. филиал Академии Наук СССР Ин-т истории, языка и литературы им. Г. Цадасы. 328 с.
- Гасанова У.У. (2009) К вопросу о классификации хайдакского языка-диалекта // Вестник университета Российской академии образования. М. № 5. С. 35–37.
- Кибрик А.Е. (2003) Константы и переменные языка. М. Алтейа. 660 с.
- Коряков Ю.Б. (2006) Атлас кавказских языков. М.: Ин-т языкознания РАН. 76 с.
- Коряков Ю.Б. (2021) Даргинские языки и их классификация. Дурхъаси хазна // Сборник статей к 60-летию Р.О. Муталова. М.: Буки-Веди. С. 139–154.

- Магомедов А.А. (1963) Кубачинский язык. Исследование и тексты. Тбилиси: Изд. Академии наук Грузинской ССР. 342 с.
- Магомедов А.А. (1982). Мегебский диалект даргинского языка. Тбилиси: Мецниереба. 232 с.
- Магомедов А.А. (1998) Статус кубачинской речи – язык или диалект // Десятый международный colloquium Европейского общества кавказоведов. Тезисы докладов. Махачкала. С. 80–81.
- Мусаев М.-С.М. (1989) История словоизменительных категорий даргинского языка. Автореф. докт. дисс. М.
- Муталов Р.О. (2002) Глагол даргинского языка. Махачкала: Издательско-полиграфический центр ДГУ. 216 с.
- Муталов Р.О. (2017) Падежная система шаринского диалекта даргинского языка // Acta Linguistica Petropolitana. Т. XIII. Ч. 1. С. 751–773.
- Сумбатова Н.Р., Ландер Ю.А. (2014) Даргинский говор селения Танты. Грамматический очерк // Вопросы синтаксиса. М.: Языки славянской культуры. 752 с.
- Темирбулатова С.М. (2004) Хайдакский диалект даргинского языка. Махачкала: Изд. типографии ДНЦ РАН. 308 с.
- Услар П.К. (1892) Хюркилинский язык. (Этнография Кавказа. Языкознание. V). Тифлис: Издание Управления Кавказского учебного округа. 498 с.
- Хайдаков С.М. (1985) Даргинский и мегебский языки: принципы словоизменения. М.: Наука. 213 с.
- Daniel, M., Dobrushina, N., Ganenkov, D. (Eds.) (2019). The Mehweb language: Essays on phonology, morphology and syntax (Languages of the Caucasus 1). Berlin: Language Science Press. 366 p.
- Forker, D. (2020) A grammar of Sanzhi Dargwa (Languages of the Caucasus 2). Berlin: Language Science Press. 628 p.
- Erckert, R. (1895) Die Sprachen des kaukasischen Stammes. T. II. Sprachproben und grammatische Skizzen. Wien.
- Malyshev, V., Malysheva, V., Gutz, A., Novaya, I., Panina, A., Yurkova, A., Clifton, J. M., Tiessen, C. (2019) The Sociolinguistic Situation of the Dargwa in Dagestan. SIL Electronic Survey Report 2019-011. Dallas: SIL International. 51 p.
- Sumbatova, N. R., Mutalov, R. O. (2003) A Grammar of Icar Dargwa. [Languages of the World Series 92]. München;Newcastle: LINCOM Europa. 242 p.

References

- Abdullaev, S.N. (1954) Grammatika darginskogo yazyka (fonetika i morfologiya) [Grammar of the Dargin language (phonetics and morphology)]. Mahachkala: Institut istorii, yazyka i literatury Dagestanskogo filiala AN SSSR. 216 p. (In Russ.)
- Belyaev, O.I. (2019) Mesto shirinskogo i amuzginskogo sredi dialektov darginskogo yazyka. [The place of Shirinsky and Amuzginsky among the dialects of the Dargin language] // Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij. Vol. 2. No. 24. Pp. 20–38. (In Russ.)
- Bokarev, E.A. (1949). Kratkie svedeniya o yazykah Dagestana. [Brief information about the languages of Dagestan]. Mahachkala. 32 p. (In Russ.)
- Byhovskaya, S.L. (1940) Perezhitki inclusiv-a i exclusiv-a v darginskih dialektah. [Remnants of inclusiv and exclusiv in Dargin dialects]. YAzyk i myshlenie. T. IX. M.; L. Pp. 85–100. (In Russ.)
- Gaprindashvili, Sh.G. (1952) K voprosu o klassifikacii dialektov i govorov darginskogo yazyka. [On the classification of dialects and dialects of the Dargin language] // Tezisy dokladov III (IX) nauchnoj sessii Instituta yazykoznanija AN GSSR. Tbilisi. Pp. 55–57. (In Russ.)

- Gaprindashvili, Sh.G.* (1956) Fonetika darginskogo yazyka po dannym dialektov. [Phonetics of the Dargin language according to dialects]. Avtoreferat dokt. diss. Tbilisi. 54 p. [In Russ.]
- Gasanova, S.M.* (1971) Ocherki darginskoj dialektologii. [Essays on Dargin dialectology]. Mahachkala: Dagestanskij filial Akademii Nauk SSSR Institut istorii, yazyka i literatury im. G Cadasy. 328 p. (In Russ.)
- Gasanova, U.U.* (2009) K voprosu o klassifikacii hajdaksogo yazyka-dialekta. [On the classification of the Khaidak dialect language] // Vestnik universiteta Rossijskoj akademii obrazovaniya. M. No. 5. Pp.35–37. [In Russ.]
- Kabibagamaev, A.A.* (1999) Sravnitel'naya morfologiya darginskogo yazyka. [Comparative morphology of the Dargin language.]. Mahachkala: Izdatel'stvo Dagestanskogo politekhnicheskogo universiteta. 242 p.([In Russ.])
- Kibrik, A.E.* (2003) Konstanty i peremennye yazyka. [Language Constants and Variables]. M.: Alteja. 660 p. (In Russ.)
- Koryakov, Yu.B.* (2006) Atlas kavkazskih yazykov. [Atlas of Caucasian languages]. M.: Institut yazykoznaniiya RAN. 76 p. (In Russ.)
- Koryakov Yu.B.* (2021) Darginskie yazyki i ih klassifikaciya. [Dargin languages and their classification]. Durh"asi hazna // Sbornik statej k 60-letiyu R.O. Mutalova. M.: Buki-Vedi. Pp. 139–154. (In Russ.)
- Magometov, A.A.* (1963) Kubachinskij yazyk. Issledovanie i teksty. [Kubachin language. Research and texts.]. Tbilisi: Izdatel'stvo Akademii nauk Gruzinskoj SSR. 342 p. [In Russ.]
- Magometov A.A.* (1982). Megebskij dialekt darginskogo yazyka. [Megeb dialect of the Dargin language]. Tbilisi: Mecniereba. 232 p. (In Russ.)
- Magometov, A.A.* (1998) Status kubachinskoj rechi – yazyk ili dialekt. [The status of Kubachi speech – language or dialect] // Desyatij mezhdunarodnyj kollokvium Evropejskogo obshchestva kavkazovedov. Tezisy dokladov. Mahachkala. Pp. 80–81. (In Russ.)
- Musaev, M.-S.M.* (1989) Istoriya slovoizmenitel'nyh kategorij darginskogo yazyka. [History of the inflectional categories of the Dargin language]. Avtoref. dokt. diss. M. (In Russ.)
- Mutalov, R.O.* (2002) Glagol darginskogo yazyka. [Verb of the Dargin language]. Mahachkala: Izdatel'sko-poligraficheskij centr DGU. 216 p. (In Russ.)
- Mutalov, R.O.* (2017) Padezhnaya sistema sharinskogo dialekta darginskogo yazyka. [The case system of the Shari dialect of the Dargin language]. Acta Linguistica Petropolitana. Vol. XIII. Ch. 1. Pp. 751–773. (In Russ.)
- Sumbatova, N.R., Lander, Yu.A.* (2014) Darginskij govor seleniya Tanty. [Dargin dialect of the village of Tanty]. Grammaticheskij ocherk. Voprosy sintaksisa. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury. 752 p.
- Temirbulatova, S.M.* (2004) Hajdaksij dialekt darginskogo yazyka. [Khaidak dialect of the Dargin language]. Mahachkala: Izdatel'stvo tipografii DNC RAN. 308 p. (In Russ.)
- Uslar, P.K.* (1892) Hyurkilinskij yazyk. [Khurkilin language]. (Etnografiya Kavkaza. Yazykoznanie. V). Tiflis: Izdanie Upravleniya Kavkazskogo uchebnogo okruga. 498 p. (In Russ.)
- Hajdakov, S.M.* (1985) Darginskij i megebskij yazyki: principy slovoizmeneniya. [Dargin and Megebian languages: principles of inflection]. M.: Nauka. 213 p. (In Russ.)
- Daniel, M., Dobrushina, N., Ganenkov, D. (Eds.)* (2019) The Mehweb language: Essays on phonology, morphology and syntax (Languages of the Caucasus 1). Berlin: Language Science Press. 366 p.
- Forker, D.* (2020) A grammar of Sanzhi Dargwa (Languages of the Caucasus 2). Berlin: Language Science Press. 628 p.
- Erckert, R.* (1895) Die Sprachen des kaukasischen Stammes. Vol. II. Sprachproben untl grammatische Skizzen. Wien.
- Malyshev, V., Malysheva, V., Gutz, A., Novaya, I., Panina A., Yurkova, A., Clifton, J. M., Tiessen, C.* (2019) The Sociolinguistic Situation of the Dargwa in Dagestan. SIL Electronic Survey Report 2019-011. Dallas: SIL International. 51 p.

Sumbatova, N.R., Mutalov, R.O. (2003) A Grammar of Icar Dargwa. [Languages of the World Series 92]. München; Newcastle: LINCOM Europa. 242 p.

Муталов Расул Османович – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языкознания РАН

Адрес: 125009 Россия, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1/1

Эл. адрес: mutalovr@mail.ru

Для цитирования: *Муталов Р.О.* Классификация даргинских языков и диалектов [Электронный ресурс] // Социоллингвистика. 2021. № 3 (7). С. 8–25. DOI: 10.37892/2713-2951-3-7-8-25

For citation: *Mutalov, R.O.* The classification of the Dargin languages and dialects [online] // Sociolinguistics, 2021. No. 3 (7). Pp.8–25. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-3-7-8-25